

русской письменности и в «Материалах» И. И. Срезневского. Известны и случаи партитивного употребления существительного «вазнь» (например: «Оуне ми имети каплю вазни, нежели бѣтарь оума» в тексте «Пчелы» XV в.). Следовательно, вполне выдержанной с лексических и грамматических позиций представляется и форма «вазни».

Предлог «с» без конечного ера (ѣ) в словосочетании «с три кусы» может быть сопоставлен с одним единственным случаем такого написания «с» в тексте нашего памятника: «стугою» (ср. также: «вмоемъ тереме злато-верьсем» и «бес щитов»).²⁴ Вообще же выдержанною чертой памятника является устойчивое употребление «ѣ» в исходе предлогов. Не вызывает возражений в аспекте исторической грамматики русского языка (что подчеркиваем особо, так как в плане лексическом дело обстоит несколько иначе) и сочетание предлога «с» с числительным «три».

Сочетание предлога «съ» с числительным в винительном падеже обозначения приблизительного количества было известно древнерусскому языку и встречается в нем достаточно часто.²⁵ А потому «с три(кусы)», в котором Р. О. Якобсон видит именно такое сочетание, отнюдь не противоречит нормам древнерусского синтаксиса. Возникает, правда, вопрос: почему представление приблизительного количества связывалось с величиной, которая, казалось бы, не должна была вызывать такого представления — «с три кусы вазни» («с три клокa удачи» — в интерпретации А. В. Соловьева)?²⁶ Более естественным в данном случае было бы сочетание «три кусы вазни» (без предлога «с» — «урвал три куса, клокa удачи»). Ведь «удач» у Всеслава было ровно три, количество их строго определено, они вполне конкретны, и их не следовало бы измерять мерою приблизительного количества.²⁷ Три удачи вѣщаго Всеслава: он занял Новгород, «расшиб славу Ярославу» и «сел даже на столе» в Киеве.

Сочетание числительного «три» с формой существительного во множественном числе «кусы» (в именительном падеже с заменою окончания «и» более новым «ы» или в винительном падеже) было тоже вполне закономерно в русском языке вплоть до XVI в. По наблюдениям акад. Л. А. Булаховского, такая форма существительного (при «три», «четыре») была господствующей в памятниках письменности еще в конце XV в.²⁸ Формы на «-ы (и)» считает преобладающими для существительных при «три», «четыре» в памятниках даже второй половины XVI в. и С. Д. Никифоров

²⁴ Д. С. Лихачев предполагает, что слитно и без «ѣ» было написано в рукописи также слово «сморя» (История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 72). В той же статье находим очень богатые и тонкие наблюдения над употреблением «ѣ» и «ѣ» в исходе предлогов и вообще в рукописи «Слова» (стр. 70 и сл.).

²⁵ Примеры употребления такого винительного дает И. С. Срезневский (Материалы, т. III, стр. 638): «Понмаша на нихъ с полторы ты сячи гривен» (Н1Л, 6645 г., по Академическому списку второй половины XV в.); «Съ і капии» (Никона Пандекты); «Пребыша тоу съ ѣ недъ» (Н1Л, 6823 г.); «Сопъ естъ человеки съ г высота его» (Странствования Зосимы); «на право съ два поприща монастырь естъ» (Записки Игнатия чернеца 1392 г.); Стояла зима день съ шесть» (П1Л, 7072 г.).

²⁶ А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве», стр. 653—654.

²⁷ Во всех взятых мною примерах из «Материалов» И. И. Срезневского (см. также и другие его примеры) употребление винительного падежа приблизительного количества логически оправдано. Оправдано оно и в словосочетании «человеки с г высота его» с числительным 3, которое употреблено и в нашем примере в «Слове».

²⁸ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 297, 298 и прим. 2. Ср. «...четыре алтыны с денгоу» (Судебн. 1497 г.); «А три годы поживет...» (Судебн. 1497 г.); «...да у Игошки взяли три топоры» (1579 г., Акты юрид. 92, № 46) и др. В них сохранилось старое управление, но с заменой древнейшего -и в окончании имен. п. мн. ч. более новым -ы, как и в «Слове».